

женію, что большая часть полученныхъ нами денегъ была найдена имъ среди его друзей. Мнѣ хочется, чтобы наши члены знали бы имя этого человѣка, который съ такой любовью и вѣрой работалъ для насъ въ Англіи и помогъ намъ докончить этотъ годъ безъ финансовой катастрофы.

Съ каждымъ годомъ растутъ финансовыя нужды нашего Движенія; съ каждымъ годомъ все съ большимъ волненіемъ приступаемъ мы къ недѣлѣ нашего сбора, но

и съ каждымъ годомъ растеть у насъ сознание, что если наше Движеніе необходимо, то Богъ поможетъ намъ найти нужныя для насъ средства. Если эта увѣренность въ насъ не угаснетъ, мы сможемъ всегда безбоязненно глядѣть въ будущее.

Тамъ гдѣ есть вѣра, всегда будутъ и средства. Этому научилъ меня мой краткій опытъ сбора денегъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ.

Н. Зерновъ.

Н А Ш А Ж И З Н Ъ.

ОЧЕРКИ ИДЕОЛОГИИ Р.С.Х.Д.

II.

Идея церковной культуры, которую мы признали столь существенной для Движенія, не есть только идея нашего времени, не есть созданіе нашей эпохи: это есть исконная христіанская идея, вытекающая изъ основного факта христіанства — Боговоплощенія. Церковь, какъ Богочеловѣческой организмъ, есть та единственная сфера, гдѣ вѣчное и тварное, Божественное и человѣческое сочетаются во взаимной свободѣ. Въ глубинѣ церковнаго сознанія всегда, поэтому, жило и живетъ стремленіе къ освященію и преображенію всего натурального порядка. Но послѣ того, что произошло на Западѣ и что постепенно отравило и восточно-православное сознаніе, послѣ длительного разрыва Церкви и жизни, возвратъ къ идеѣ церковной культуры знаменуетъ въ наше время какую то новую эпоху, новую ступень въ развитіи этой идеи. Ошибки средневѣковья не могутъ быть повторены нынѣ, но онѣ могутъ и должны послужить къ тому, чтобы тема церковной культуры была поставлена со всей той широтой, которой требуютъ основные принципы хри-

стіанства. Путь церковной культуры можетъ быть **только путемъ свободы** — въ сочетаніи свободы и освящающей силы Церкви и лежитъ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ мучительныхъ проблемъ нашего времени.

Возвратъ къ идеѣ церковной культуры наблюдается сейчасъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, но нигдѣ эта идея не связана такъ органически съ существомъ христіанства, какъ на почвѣ Православія, въ которомъ благовѣстіе Христовой свободы извнутри связано съ вѣрой въ Церковь. Невозможность индивидуализма, который сыгралъ роковую роль въ судьбахъ протестантизма, не означаетъ однако для Православія поглощенія Церковью и ея авторитетомъ личнаго отношенія ко Христу Спасителю (этимъ поглощеніемъ страдаетъ католическій міръ). Внутреннее равновѣсіе въ признаніи Церкви и въ охраненіи духа свободы создаетъ въ Православіи наиболѣе благопріятныя, я склоненъ думать даже — единственно благопріятныя условія для той постановки темы о церковной культурѣ, какую даетъ наше время. Этимъ надо объяснить то, почему проблема освященія Церковью жиз-

ни (т. е. проблема церковной культуры) занимает такое громадное мѣсто въ современномъ церковномъ сознаниі. Я не хочу этимъ сказать, что эта проблема поставлена всюду ясно и правильно, я хочу только отмѣтить ея центральное значеніе, ея неустранимость и силу. Движеніе наше тоже извнутри живетъ этой темой — и вѣроятно живетъ ею больше, чѣмъ какимъ либо другимъ вопросомъ, — но и оно ставитъ ее не съ достаточной ясностью. Я снова долженъ оговориться, что буду характеризовать позиціи Движенія быть можетъ нѣсколько субъективно, хотя и стремлюсь къ тому, чтобы возможно болѣе правдиво вскрыть отношеніе Движенія къ этому вопросу.

Движеніе есть явленіе свободнаго устремленія нашей молодежи къ Церкви, къ ея правдѣ и силѣ. Ничего искусственнаго, навязаннаго не было и нѣтъ въ этомъ устремленіи къ Церкви, хотя оно имѣетъ свои ступени въ раскрытіи и углубленіи любви къ Церкви. Духъ свободы вѣетъ въ Движеніи настолько сильно, что порой даетъ даже поводъ ставить вопросъ о томъ, что церковность религіозныхъ исканій есть нѣкоторая временная форма ихъ. У насъ нерѣдко, въ порядкѣ самообличенія, слышатся жалобы и обвиненія въ томъ, что мы слишкомъ поверхностны въ своемъ устремленіи къ Церкви, что мы недостаточно интересуемся ея сокровищницей, недостаточно отдаемъ себя Церкви. Потребность не только большей опредѣленности, но и большей строгости въ подчиненіи себя Церкви, столь частое у насъ исканіе путей къ усиленію церковной дисциплины — все это какъ бы подтверждаетъ косвенно тотъ фактъ, что въ Движеніи свобода недостаточно еще координирована съ преданностью Церкви. Движеніе, конечно, ничѣмъ не можетъ удержать въ своихъ рядахъ молодежь, кромѣ глубокой и горячей, но и свободной преданности Церкви. Нельзя, впро-

чемъ, отрицать, что будучи само явленіемъ свободы, ея носителемъ и свѣточемъ, Движеніе какъ бы тяготеетъ этой свободой въ своемъ сознаниі, порой боится ея и ищетъ ея границъ. Все это, особенно по поводу отдѣльныхъ острыхъ случаевъ, даетъ нѣкоторымъ изъ насъ основаніе говорить, что у насъ недостаточно свободы, что по молодости и безпечности Движеніе можетъ утратить духъ свободы и забыть о немъ. Я совершенно не раздѣляю этихъ сомнѣній, ибо христіанская свобода дѣйствительно небезгранична и дѣйствительно осуществима лишь въ Церкви и съ Церковью.*) Поэтому исканіе границъ свободы означаетъ не исчезновеніе духа свободы, а лишь его ростъ. Въ діалектикѣ духовнаго развитія не исключена, конечно, возможность такого крайняго развитія одной тенденціи въ ущербъ другой, которое заслонитъ подлинную картину нашей жизни. У насъ въ Движеніи можно встрѣтить и крайнее утвержденіе свободы почти въ тонахъ принципиальнаго индивидуализма и крайнее ограниченіе ея, но по существу Движеніе настолько глубоко живетъ началомъ свободы, что внѣ его оно просто невысказуемо.

Я утверждаю поэтому, что Движеніе не только само идетъ путемъ свободы въ исканіи церковной культуры, но что оно на знамени своемъ несетъ девизъ свободы, что вся идеологія Движенія связана съ принципомъ свободы. Если бы Движеніе утратило или заколебалось въ этомъ, оно растеряло бы свою главную жизненную и творческую силу. Конечно, тема свободы такъ исторически запутана и осложнена, что овладѣть ею въ надлежащихъ тонахъ нелегко, — и въ жизни Движенія это чувствуется достаточно часто. Не говоря объ отдѣльныхъ случаяхъ, анализъ которыхъ

*) Я подробно развивалъ свои мысли объ этомъ въ этюдѣ «Соборность и свобода» («Путь»).

отнял бы у насъ слишкомъ много мѣста, я скажу лишь, что мы въ Движеніи нерѣдко сбиваемся съ пути христіанской свободы, вносимъ иногда въ наши разсужденія и рѣшенія такія тенденціи, которыя, по существу, совершенно чужды духу свободы. Это вполнѣ объяснимо сложностью нашего времени, запутанностью его духовныхъ теченій, остротой историческаго момента. Недаромъ Ап. Павелъ призывалъ Галатъ «стоять» въ свободѣ, дарованной намъ Христомъ (V, 1): путь христіанской свободы усянь соблазнами. И все же о Движеніи должно сказать, что оно не только есть явленіе свободы, но что оно живетъ идеей свободы, вѣрнѣе — ищетъ раскрытія этой идеи въ приложеніи къ вопросамъ жизни. Лучшее всего это можетъ быть вскрыто на отрицательныхъ примѣрахъ, на тѣхъ случаяхъ, когда мы наблюдаемъ потускнѣніе идеи свободы: Движеніе въ цѣломъ, въ своемъ основномъ и рѣшающемъ слѣдѣ не идетъ за тѣми, кто хотѣлъ бы сбить его съ этого пути. Я вовсе не склоненъ отрицать борьбы, идущей именно вокругъ этого пункта, борьбы часто затаенной, страстной и напряженной, но я просто подчеркиваю самый фактъ безуспѣшности тѣхъ теченій, которыя стремились увести Движеніе съ пути свободы. Живой примѣръ изъ исторіи Движенія поможетъ намъ раскрыть этотъ существенный фактъ.

Почти два года назадъ кружокъ въ Бѣлградѣ вышелъ изъ Движенія. Исторія этого выхода была подробно изложена въ свое время въ особомъ приложеніи къ Вѣстнику. Не возвращаясь къ этимъ деталямъ, можно все таки отмѣтить, что центральнымъ и основнымъ пунктомъ разногласія было какъ разъ отношеніе къ церковной свободѣ. Наши бѣлградскіе друзья въ своей преданности Церкви дошли до отрицанія свободы, устанавливая своеобразную цензуру въ Движеніи...

Они знали хорошо, что огромное большинство членовъ Движенія не раздѣляло острыхъ формулъ въ статьѣ Н. А. Бердяева о Карловцахъ, но имъ было недостаточно этого согласія Движенія съ нимъ по существу дѣла — имъ было нужно осужденіе свободы въ выраженіи церковнымъ обществомъ своего мнѣнія, — они отрицали самое право такого свободнаго выраженія своихъ идей. Отъ Движенія требовали, чтобы оно отреклось отъ Н. А. Бердяева, хотя всѣмъ было ясно, что никакихъ основаній отождествлять статьи Н. А. Бердяева съ мнѣніемъ Движенія нѣтъ и быть не можетъ... Надо признать, что поводъ къ глубокой и трудной борьбѣ внутри Движенія не былъ случайнымъ, такъ какъ дѣйствительно дѣло шло именно объ отношеніи къ церковной свободѣ. Споръ скоро вышелъ за предѣлы начальной темы, но существо спора до конца осталось тѣмъ же: недаромъ до сихъ поръ раздаются изъ Бѣлграда нелѣпыя обвиненія Движенія въ какомъ то модернизмѣ. Это такъ нелѣпо, что не стоитъ и опровергать: Движенію абсолютно, съ самаго начала, былъ чуждъ — и до нынѣ остается чуждъ — духъ умаленія церковной истины во имя приспособленія ея къ современности. Подлинный и искренній традиціонализмъ все время присущъ Движенію, но не менѣе живо въ немъ сознаніе права и долга свободы. Расхожденіе съ Бѣлградомъ было очень тяжело для Движенія — однако оно не дрогнуло ни во время борьбы, ни послѣ нея. Церковь не нуждается въ цензурѣ, она жива подлиннымъ и свободнымъ признаніемъ ея непобѣдимой правды, — и только на пути свободы Церковь можетъ вновь занять то мѣсто въ исторіи, въ системѣ культуры, которое по праву ей принадлежитъ. Движеніе въ самомъ фактѣ своего существованія исповѣдуетъ эту идею, оно ищетъ въ Церкви освященія и осмысленія жизни, поклоняется вѣчной правдѣ

Церкви. И это значить, — не только для сегодняшняго дня, но и для будущаго, — что Движеніе вѣритъ въ творческія силы самой Церкви, а не въ внѣшнія для нея силы. Я позже коснусь того, что по существу значить для Движенія одна изъ самыхъ дорогихъ ему идей — идея освященія власти, но, всюду и во всемъ, Движеніе исповѣдуетъ вѣру въ Церковь, какъ историческую силу, и блюдетъ завѣтъ свободы, возвѣщенной христіанствомъ.

Это блюденіе завѣта свободы прошло уже не мало искушеній, ихъ будетъ, вѣроятно, еще не мало впереди. Я вѣрю, что Движеніе преодолѣетъ соблазны, его подстерегающіе, но даже если бы оно въ своей жизни погрѣшило бы противъ завѣта свободы, это не значить, что оно отошло отъ самого принципа. Было нѣсколько случаевъ въ исторіи Движенія, когда оно могло серьезно отойти отъ начала свободы, и все же эти соблазны были преодолены.

Исповѣдая идею церковной культуры, Движеніе подходитъ къ этой идеѣ со всей страстностью, которая присуща молодежи, порой оно не удерживается на правильной линіи, а все же въ основномъ и главнымъ оно ищетъ такихъ путей къ церковной культурѣ, которые внутренне связаны съ началомъ свободы. Я никогда, за всѣ годы, не слышалъ голоса въ защиту государственнаго насажденія церковной культуры; среди тѣхъ, кто, по своимъ политическимъ симпатіямъ, склоняется въ сторону сильной государственной власти, скорѣе можно найти уклоненіе отъ идеи церковной культуры, чѣмъ то ея искаженіе, которое мечтаетъ объ использованіи государственной власти для насажденія церковной культуры. Это чрезвычайно важно и знаменательно: новый смыслъ понятія церковной культуры какъ разъ въ томъ и заключается, что она мыслится какъ свободное устремленіе вѣрующихъ людей къ построенію жизни на

началахъ христіанства. Въ недавней своей статьѣ, помѣщенной въ «Современныхъ Запискахъ» (№ 38) подъ заглавіемъ «Система культурнаго дуализма» я развивалъ мысли, по существу близкія къ путямъ Движенія. Основная мысль моей статьи заключается въ признаніи неизбѣжности сосуществованія двухъ типовъ культуры — религіозной и безрелигіозной. Въ построеніи религіозной культуры совершенно недопустимо насильственное устраненіе всѣхъ враждебныхъ теченій — это роняло бы самую идею церковной культуры. Движеніе, хотя и не имѣетъ фиксированной формулы по этому вопросу, по существу идетъ именно указаннымъ путемъ.

Въ нѣкоторомъ противорѣчій со всѣмъ этимъ стоятъ отдѣльныя духовныя теченія внутри Движенія, — особенно надо здѣсь отмѣтить хилиастическій уклонъ мысли у тѣхъ, кто стоитъ не за очерковленіе культуры (что предполагаетъ самый фактъ культуры въ полнотѣ ея силъ), а за поглощеніе Церковью культуры. Не буду останавливаться на разборѣ этого строя мыслей, скажу лишь, что имъ нерѣдко соблазняются отдѣльные члены Движенія, но въ цѣломъ Движенію остаются чужды мотивы хилиазма.

Въ сочетаніи съ принципомъ свободы идея церковной культуры получаетъ достаточную опредѣленность въ отношеніи къ процессу исторіи. Иногда наивно, а иногда со всей серьезностью, обуславливаемой этой темой, Движеніе глядитъ настойчиво и неустанно въ сторону перестройки всей культуры на началахъ церковности. Не всегда отдаетъ оно себѣ отчетъ во всей сложности и трудности этой задачи, но самую задачу оно ставитъ опредѣленно и рѣшительно. Есть лишь одна, хотя и очень существенная граница въ этой работѣ мысли — для идеологіи Движенія очень типична нѣкоторая расплывчатость и отвлеченность въ постанов-

къ проблемы церковной культуры. Но откуда же и взяться конкретной определенности въ условіяхъ нашей жизни? Впрочемъ по нѣкоторымъ пунктамъ работа

мысли Движенія имѣетъ извѣстную определенность... Къ разбору этихъ пунктовъ мы и перейдемъ въ слѣдующемъ очеркѣ.
В. В. Зѣньковскій.

ХРОНИКА.

СТРАСТНЫЕ И ПАСХАЛЬНЫЕ ДНИ ВЪ ЦЕРКВИ ВВЕДЕНІЯ ВО ХРАМЪ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ ПРИ ДВИЖЕНІИ ВЪ ПАРИЖЬ.

Страстная недѣля и Пасха этого года останутся навсегда памятными для нашего Движенія. Въ первый разъ церковныя службы въ эти великіе дни совершались въ домовой церкви Движенія съ ежедневной молитвой о членахъ Движенія и съ особыми прошеніями на великой ектеньи о благословеніи нашей работы:

О еже благославити юношество сіе и просвѣтити сердца его свѣтомъ Евангелія Твоего и вселити въ него разумъ и благочестіа.

О еже сотвори въ немъ дружество Твое и ниспослати ему мудрость, силу и ревность поработати Тебѣ.

О еже умножити братство сіе и утвердиги и охранити е отъ всякаго злаго обстоянія, искушеніе же и лести.

О еже умножитися въ немъ любви Твоя, да утверждаетъ братъ брата своего другъ друга тяготы носить, и да явятся истинными ученики Твоими.

Въ нашей маленькой церкви службы совершаются каждый день, но въ обычныхъ условіяхъ жизни Парижа, только отдѣльные молящіяся присутствуютъ на нихъ. Съ Великаго же Понедѣльника положеніе сразу измѣнилось. Уже утромъ нашъ храмъ былъ полонъ молящимися и съ каждымъ днемъ ихъ число увеличивалось. вмѣстѣ съ тѣмъ, постепенно вся жизнь Монпарнасса, такая шумная и бур-

ливая въ обычное время, все болѣе и болѣе уходила изъ зданія и сосредотачивалась вокругъ церкви. Въ среду днемъ началась исповѣдь, сначала для мальчиковъ дружины «Витязей», а потомъ для всѣхъ желающихъ затянувшаяся до поздняго вечера. Утромъ въ Великій Четвергъ пріобщалось болѣе 100 членовъ — члены Движенія, мальчиковъ изъ дружины «Витязей», члены Юношескаго Содружества и другіе прихожане нашего храма. Послѣ этого духовнаго торжества, церковь нераздѣльно овладѣла нашимъ вниманіемъ. Послѣ обѣда, въ четвергъ производилась тщательная чистка всей церкви, при чемъ въ ней принимали участіе и дѣти-ученики Воскресно-Четверговой Школы. На 12 Евангелій въ церкви уже было столько молящихся, что пришлось открыть обѣ большія двери во дворъ, чтобы дать возможность молящимся, не вошедшимъ въ храмъ, участвовать въ Богослуженіи. Это былъ первый тихій весенній вечеръ, и весь дворъ постепенно освѣтился огоньками свѣчей, и сталъ нераздѣльною частью нашего маленькаго храма.

Въ Великую Пятницу, послѣ выноса Плащаницы, въ церкви воцарилась особая тишина, какая бываетъ только въ этотъ день. Плащаницу окружили цвѣтами, зажглись многія десятки свѣчей, и цѣлый день до вечерней службы, въ церковь приходили люди, ставили свѣчи и прикладывались къ плащаницѣ. Много было членовъ Движенія, но много и постороннихъ. Въ 8 час. началась служба погребенія, съ крестнымъ ходомъ вокругъ нашего двора. Въ субботу за литургіей снова было